

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня

Женщина появилась внезапно — вдруг материализовалась из звенящей от холода темноты. Макс успел среагировать в последний момент: вывернул руль, ударил по тормозам. На обледеневшей, скользкой, как каток, дороге машину занесло, завертело, швырнуло в сугроб.

Какое-то время он просто сидел, вцепившись в руль, тупо глядя перед собой. По лицу катились холодные капли пота, а Макс не мог их стереть, потому что никак не удавалось разжать онемевшие пальцы.

«Зацепил — не зацепил?» — вертелась в голове одна-единственная мысль. Буйное воображение тут же принялось рисовать страшные картины.

Ну и что, что он не виноват?! Ну и что, что эта ненормальная сама бросилась под колеса его машины?! Все равно ее смерть останется на его совести. Все равно он теперь до конца дней своих не сможет спокойно спать. Шутка ли — убить человека...

А если зацепил, но не сильно? А если она жива? Или кровью истекает, пока он тут сидит?

Ступор прошел. Дрожащими пальцами Макс растегнул ремень безопасности, толкнул дверцу и, как был, в тонком свитере, вывалился из машины. Январский ветер тут же забрался за пазуху, облапил тело,

ледяными пальцами пробежался по волосам, швырнул в лицо горсть снежной крошки. Макс, согнувшийся от холода пополам, обежал зарывшуюся мордой в сугроб машину, замер посреди пустынной по случаю метели и позднего вечера дороги.

Жива! Слава тебе господи! Жива!

Женщина стояла на четвереньках у обочины. Кажется, она даже пыталась подняться на ноги.

Жива! Радость-то какая! Ведь жива же, раз не лежит пластом, а ползет! А что она ползет-то? Может, болит что или поломано?

— Вы в порядке? — Макс присел перед пострадавшей на корточках.

Та промычала в ответ что-то нечленораздельное, стала медленно заваливаться набок.

— Эй, вы чего это? — Макс схватил ее за воротник куцей шубейки, потянул на себя.

Женщина перестала заваливаться, посмотрела на него мутным, совершенно невменяемым взглядом, снова что-то промычала.

«Пьяная, — догадался Макс, — или пьяная, или обдолбанная. Скорее второе. Алкоголем от нее не пахнет».

Беспокойство вдруг сменилось лютой яростью. Макс даже холод чувствовать перестал от этой внезапной ярости.

Дрянь! Нажралась — и под его машину! Сбил бы ее и загремел бы на нары ни за что ни про что... Он с гадливостью оттолкнул от себя женщину, вытер руки о джинсы. Потеряв опору, незнакомка снова стала заваливаться в сугроб.

Макс уже был у своей машины, когда, вдруг передумав, вернулся. Алкоголичка не алкоголичка, а заце-

пить он ее все-таки мог. Вдруг у нее переломы или ушибы? Тихо матерясь, отогревая дыханием окоченевшие пальцы, принялся расстегивать куцую шубейку. Под шубейкой оказались джинсы и свитер.

Так, если сбил, на теле должны остаться кровоподтеки. На впалом животе наркоманки-алкоголички ничего такого не обнаружилось. Макс рванул свитерок выше — на груди тоже никаких синяков. На всякий случай он пробежался пальцами по покрывшейся мурашками коже, пересчитал ребра. Можно подумать, он врач и что-то понимает в поломанных ребрах!

Ничего, все нормально. Можно со спокойной совестью уезжать.

Что-то неладное творилось сегодня с его совестью. Она вела себя как-то слишком активно и успокаиваться не желала. Макс тяжело вздохнул, снова присел перед пострадавшей, одернул свитерок и, подышав на руки, принялся застегивать шубейку. Что ж это за зверь такой? Кролик? Чебурашка?

Женщина больше не мычала, лежала себе смиренько с закрытыми глазами. В тусклом свете фонарей ее лицо казалось гипсовой маской — сплошные светотени. На дороге ее оставлять нельзя, еще сшибет кто-нибудь. Куда же ее девать?

Макс огляделся — метрах в пяти от дороги, на детской площадке, маячила деревянная беседка. Вон туда ее, родимую! Он взял наркоманку за шиворот, рывком поставил на ноги, обхватил одной рукой за талию, чтобы не заваливалась, посмотрел на свою машину. Ее бы тоже не мешало из сугроба вытащить да поставить аккуратно, а то какой-нибудь лихач наскочит в темноте — и прощай, «мазочка» любимая.

Искус бросить тетку обратно в сугроб и заняться машиной оказался велик, но совесть, будь она неладна, снова беспокойно заворочалась. Макс чертыхнулся, подхватил тетку под мышки и, утопая в снегу по колено, поволок к беседке.

— Вот и все, моя красавица. — Он пристроил тетку на скамейку. — Тут хорошо, ветер не так сильно дует. Полежишь, оклемаешься...

Он даже воротник на шубейке приподнял, чтобы наркоманке-алкоголичке было удобнее лежать, и уже собирался уходить, когда она вдруг открыла глаза. Теперь взгляд был не таким уж и невменяемым, просто испуганным и, кажется, просительным.

— Ну? — рявкнул Макс нетерпеливо.

Она ничего не сказала, закрыла глаза и вроде как уснула.

В машине было тепло и уютно, но продрогший до костей Макс поставил обогрев на максимум, посидел с минуту, согреваясь, посмотрел задумчиво на приборную панель. Лора, наверное, уже извелась. Она ненавидела, когда он опаздывал, даже на минутку. Она вообще очень категорична, его маленькая знаменитость. С ней было очень нелегко и очень здорово. Как на американских горках. Макс долго ее завоевывал, обошел толпу конкурентов и, завоевав наконец, не собирался терять. Надо ехать. Может, еще не поздно.

«Мазда» дернулась, обиженно заворчала. Да, вот такие они строптивые, обе его девочки. Выравнивая машину, Макс потянулся за мобильником. Телефон Лоры не отвечал. Обиделась и не берет трубку? А может, уснула? Иногда так бывало: он приезжал на романтическое свидание и находил Лору спящей перед

работающим телевизором. Он даже не пытался ее будить — она страшно не любила, когда ее будили, — он просто тихо пристраивался рядом на просторном авангардном диване и смотрел...

Он, Макс Легостаев, прагматик до мозга костей, с пеленок не признающий никакой романтики, мог смотреть на спящую Лору часами. Она казалась удивительной, она стоила потраченных на нее сил, денег и нервов. Нет, не так. Она была достойна намного большего, чем мог дать ей Макс. Он — всего лишь креативный директор модного мужского журнала, а она — теледива, звезда, богиня, небожительница.

От мысли, что богиня и небожительница Лора Лайт принадлежит не какому-нибудь олигарху или английскому лорду, а исключительно ему, Максиму Легостаеву, на душе стало совсем хорошо.

Интересно, она сейчас злится? Скорее всего, да. Богиня и небожительница призвала несчастного креативного директора: «Макс, мне скучно, приезжай...» А он, идиот, не воспользовался предоставленной милостью, потратил бесценные минуты на какую-то обдолбанную тетку! Ох, похоже, не миновать наказания: отлучения от великолепного Лориного тела на неделю как минимум. Как он переживет это, бог знает. Будет его ломать и колбасить, и работа встанет, и главред «Хозяина жизни», непосредственный начальник Макса, станет раздраженно хмуриться и смотреть многозначительно, а потом скажет что-нибудь такое, от чего депрессия только усилится...

«Мазда», пофыркивая и вспахивая бампером снег, подрулила к знакомому дому. Лорин дом предназна-

чался исключительно для таких, как она, небожителей. Ажурная башня из стекла и бетона упиралась верхушкой в тяжелые, нафаршированные ледяной крошкой тучи. Страхивая снег, Макс вошел в ярко освещенный вестибюль, кивнул знакомому охраннику. За год он успел выучить всех здешних охранников. И они его успели выучить и держали за своего, до нового распоряжения богини и небожительницы Лоры Лайт.

Роскошный пентхаус встретил Макса тишиной: ни музыки, ни бормотания телевизора. Едва переступив порог, он уже знал — Лоры дома нет. Значит, действительно обиделась и решила наказать его, несчастного, немедленно. Уехала, наверное, в какой-нибудь ночной клуб, даже записки не оставила. Вот она какая жестокосердная. Ей теперь — веселье, а ему — бессонная ночь. Макс еще раз, без особой, впрочем, надежды, набрал знакомый номер.

Ничего. Приговор вступил в силу. Тут неделей отлучения не обойдешься. Пожалуй, будут воспитывать по полной программе. Игнорировать будут, с конкурентами стравливать; может, даже подраться придется с кем-нибудь из особо ретивых соперников. Лоре нравится, когда из-за нее льется кровь. Конечно, сама она в этом никогда не признается, но Макс знает. После боев «в ее честь» Лора оттаивает, с победителем бывает ласкова и нежна. Последний год победителем становился он, Макс Легостаев. Это он только с виду такой утонченно-рафинированный, а в душе настоящий бойцовый дворовый кот. Бойцовый, потому что с детства драчливый. А дворовый, потому что свободолюбивый... Был — до встречи с Лорой.

Макс плюхнулся на авангардный диван, криво усмехнулся — теперь он кот домашний, пушистый и покладистый, лишь изредка вспоминаящий о своем боевом прошлом. Вот что с мужиками делает любовь...

Ему вдруг стало очень обидно, впервые за этот озаренный сиянием Лоры Лайт год. В конце концов, ему уже тридцать, давно не мальчик, чтобы им вот так вертели и пренебрегали.

Может, и права сестрица Аня? Пора ему повзрослеть и перестать ухлестывать за — как это она их называла? — за телевизионными стрекозами? Аня женщина мудрая и опытная. У нее семья есть: муж и дети-двойняшки. Она в жизни получше многих разбирается. Может, и правда, — пора повзрослеть? Вот прямо завтра. Нет, прямо сегодня!

Макс встал с дивана и быстро, чтобы, не дай бог, не передумать, вышел из Лориной квартиры. Вот вернется богиня под утро, а Макса Легостаева нет на прикроватном коврик. Макс Легостаев снова стал бойцовым дворовым котом!

Стараясь не думать, чего ему будет стоить этот поступок, Макс спустился на первый этаж, клацая зубами от холода, сел в свою машину. Все, домой! Пить пиво, напиток плебеев, как сказала бы Лора, отогреться и смотреть по ящику футбол. Хоть один из сорока спутниковых каналов должен показывать футбол, забаву для олигофренов, по мнению Лоры.

А плевать! Он будет пить напиток плебеев и предаваться олигофреническим радостям. Лишь бы не думать о неминуемой расплате и долгосрочном отлучении от ее тела.

Предаться тихим мужским радостям не удалось. На подступах к родимому дому резко активизировалась уснувшая было совесть. Макс даже закашлялся от неожиданности, повертел головой в поисках источника раздражения.

Вот он, источник — полузаметенная снегом беседка. Макс сжал зубы и уже собрался проехать мимо, но растревоженная совесть больно ткнула его локтем под ребра.

— Да она уже, наверное, давно ушла, — сказал Макс зло и сам себе не поверил.

Ушла она, как же! В ее нынешнем состоянии она и ползать-то не может, не то что ходить. А сколько там за бортом? У-у, за бортом шестнадцать градусов мороза. А она в шубке этой своей куцей и сапогах дерматиновых. А времени сколько прошло с их случайной встречи? Сорок минут.

Можно замерзнуть в шестнадцатиградусный мороз за сорок минут? Макс очень не хотелось себе в этом признаваться, но по всему выходило, что замерзнуть — раз плюнуть.

«И что теперь? — сердито думал он, выбираясь из машины и прыгая в глубокий снег. — Мне теперь открыть у себя вытрезвитель и обихаживать всех желающих? Хорошая получится развлекуха...»

Где-то в душе Макс продолжал надеяться, что женщина ушла. Но она лежала на деревянной скамейке, припорошенная снежком. Второй раз за этот сумасшедший вечер он испугался. А что, если тетка уже того... окочурилась? Он бросил ее в беседке, потому что торопился на свидание к Лоре, а наркоманка взяла и замерзла насмерть. Макс стянул предусмотритель-

тельно надетые перед выходом из машины перчатки, сунул руку тетке за пазуху. Она была теплой, не такой теплой, как его рука, но все же... И сердце ее под его пальцами билось.

«Жива!» — в который уже раз за этот чумовой вечер возликовал он. Нежно, точно суженую, подхватил на руки закутанную в хлипкую шубейку наркоманку и порысил к машине. Вырезвитель так вырезвитель, лишь бы грех на душу не брать.

Ввалившись в подъезд родного дома, Макс немного отдышался. Ноша была не своей и от этого тяжелой. Вот если бы он нес Лору...

Хватит мечтать, тетку еще нужно разморозить и по возможности привести в чувство, чтобы к утру и следа ее не было в его квартире.

Кое-как открыв дверь, Макс положил меховой сверток на коврик в прихожей, стал торопливо раздеваться. В квартире было тепло. Благодать-то какая! Он разулся, влез в домашние тапки, задумчиво пошевелил пальцами ног. Заниматься «гостьей» не хотелось. Может, оставить ее отсыпаться на коврике?

Он бы и оставил, если бы не совесть. Со стариковским кряхтением Макс присел перед «свертком», с раздражением посмотрел на натекшую с него лужу. От мокрой шубейки пахло псиной. Макс поморщился, принялся расстегивать пуговицы. Тетка не шевелилась, лежала себе тихонько, в процесс не вмешивалась. Он стащил шубейку, на вытянутой руке отнес ее к вешалке, но передумал, вешать не стал, пристроил в углу на полу. Больно много чести для занюханной дворняги из неизвестного зверя — висеть рядом с его породистой испанской дубленкой.

Извлеченная из шубы тетка оказалась щупленькой, даже тщедушной. Наверное, запойная. Пить пьет, а поесть забывает.

Сапожки, сначала показавшиеся ему дерматинowymi, при ближайшем рассмотрении оказались вполне приличными, из натуральной кожи. Он даже разрешил им постоять рядом со своими «штатовскими» ботинками.

Носочки у алкоголички были просто загляденье: полосатенькие и с пальцами. Может, она по пьяни на ноги перчатки натянула? Макс присмотрелся — нет, самые что ни на есть носки, только с пальцами. Даже в цвет к головному убору подобраны. Во как!

Вязаная шапка-ушанка с длинными полосатыми «ушами» тоже смотрелась забавно. Макс потянул за одно «ухо» и тихо присвистнул. Замороженная тетенька, наркоманка-алкоголичка, оказалась вовсе не тетенькой. Нет, принадлежность ее к женскому полу сомнений не вызывала, а вот возраст... С возрастом Макс ошибся лет этак на двадцать. Тетенька оказалась девушкой, к слову, довольно привлекательной. Не такой привлекательной, как Лора, но тоже очень даже ничего. Невысокая, стройная, с короткими каштановыми волосами и симпатичной мордашкой. Вот только с кожей ей не повезло. Слишком бледная, местами синюшная.

Он не сразу понял, что это от мороза, а когда понял, растерялся. Ну вот, он ее притащил к себе домой, положил на коврик в прихожей, снял шубку. А дальше что? Как ее дальше-то отогреть? Если бы она была в сознании, если бы не нажралась предварительно какой-то дряни, он бы пошел проверенным временем

путем: влил бы в эту горемычную грамм сто-двести водочки. А тут как быть?

Может, «Скорую» вызвать? А потом объяснять чужим людям, что он эту наркоманку-алкоголичку знать не знает? И вообще, домой к себе ее приволок из чистейшего альтруизма. Оно-то, конечно, так и есть, да только кто ж ему поверит?

Девушка тихо застонала, свернулась калачиком, подтянула острые коленки к подбородку. Мерзнет?

Макс вздохнул, подхватил барышню на руки, перенес на диван в гостиной — как-то невежливо даму на коврик держать. Дама глаз не открывала, тряслась, как осиновый лист, и тихо поскуливала. Может, что-то страшное видела в своем дурмане? Может, обнаружила себя на Южном полюсе исключительно в бикини?

Что бы там ни снилось его неожиданной гостье, а мерзла она сильно. Даже плед из овечьей шерсти, подаренный родителями на день рождения, не спасал. Макс задумчиво потер заросший ультрамодной трехдневной щетиной подбородок. По всему выходило, что полумерами в данном случае не обойдешься. Когда-то, еще в студенческой юности, он читал в одной умной книжке, что общее переохлаждение куда страшнее банального обморожения. Что пострадавших нужно немедленно спасать всеми возможными способами. Вот только какими именно, он запаматовал. Придется действовать по наитию.

Максово наитие энергично кивало в сторону ванной, предлагая очевидный вариант спасения. Он еще пару секунд повздыхал, вновь поскреб трехдневную щетину и принялся закатывать рукава.

Ванна уже была почти наполнена, а Макс все топтался в нерешительности, зачем-то пены в воду налил.

Он же ее спасать собирается, а не купать! Хотел было уже воду спустить, но передумал. Девица все равно в отключке, его сердечной заботы не оценит.

Наполненная ванна парила и благоухала иланг-илангом, а Макс все думал...

Девица лежала в позе эмбриона. Плед из овечьей шерсти мелко подрагивал на ее щуплом тельце. Макс решительно отбросил покрывало в сторону. Девица скрючилась еще больше. Вот попробуй ее раздень...

С джинсами и носками «с пальцами» он справился довольно быстро. Со свитером пришлось повозиться — девица не то чтобы сопротивлялась, но и не помогала, лежала в неудобной для раздевания позе, руки-ноги разгибать не желала. Когда наконец с одеждой было покончено, перед Максом встала морально-этическая проблема. Как быть с бельем? Приличнее было бы его с девицы не снимать, но практичнее — все-таки снять. Что он, за свои тридцать лет голых телок не видел? Чем эта отмороженная красавица от них принципиально отличается? Макс присмотрелся — не отличается. И вообще, должна же быть ему хоть какая-то компенсация за моральный ущерб...

С ванной возникли проблемы. Погрузить девицу в воду плавно и бережно не удалось — Макса обдало веером пахнущих иланг-илангом брызг. Пришлось одной рукой стаскивать с себя промокший свитер, а второй в это время удерживать голову девицы над водой. А она почему-то все норовила уйти на дно.

Только после пятиминутных мучений Макс сообразил, что достаточно просто слить немного воды, чтобы плавающему в его ванне бесчувственному телу не грозила смерть от утопления.

Макс отогревал замороженную красавицу уже минут пятнадцать. Он давно покрылся испариной и стал красным, как вареный рак, а барышня оттаивала очень медленно. Только на двадцатой минуте ее синюшная кожа начала розоветь, а потом и краснеть. В конце концов Максу надоело это мучение, он выловил девицу, завернул ее в свой любимый махровый халат, отнес на диван.

Барышня больше в китайский иероглиф не завязывалась, лежала смирно. Наверное, отогрелась. После водных процедур, мокрая, разрумившаяся, она выглядела совсем юной, лет на двадцать, не больше. Макс сунул под ее мокрую голову подушку, укрыл пледом, всмотрелся в безмятежные черты. Вроде нет особых следов тлена и морального разложения. Девчонка как девчонка. В Москве таких тысячи. А может, она просто «разлагаться» стала не так давно? Может, вообще попробовала дурь впервые? Кстати, ни на руках, ни на ногах следов от уколов нет, он проверил. Чем же это она так набралась? Хоть бы к утру прочухалась, а то думай, что с ней дальше делать! Макс бросил рассеянный взгляд на девчонку, постоял пару секунд в раздумьях и направился в кухню. Доставая из холодильника бутылку пива, он с удивлением и легким злорадством подумал, что вот уже больше часа не вспоминает о Лоре. Чудеса! Может, какую-нибудь домашнюю зверушку завести, чтобы забота о ней отвлекала от грустных мыслей: собачку там, или кошечку, или новую любовницу, что ли...

Идея была заманчивой, но неосуществимой. Собачки и кошечки у него не приживутся, подохнут с голодухи. Вон, в холодильнике только пиво.

А любовница? Так куда же он без своей богини и небожительницы?! Это Макс хорохорится, пока ее не видит. А как увидит — прощайте сила воли и мужская гордость! Лора, она такая — цепляет за живое. С такого крючка по собственному желанию не сорвешься.

В гостиной что-то бухнуло. Макс от неожиданности облился пивом, чертыхнулся. Вот вечерок! Ни секунды покоя!

Девчонка лежала на полу, подтянув к животу голые ноги. Чем это ей диван не угодил?

Макс подавил в себе подлое желание пнуть закутанное в халат тело, поднял девчонку, уложил обратно. Она что-то промычала, недовольно заворочалась. Пришлось подпереть ее подушкой, чтобы еще раз не свалилась. Недосуг ему всяких обдолбанных девиц с пола подбирать. И вообще, он футбол собирался посмотреть. Где пульт?

Плазменный «Панасоник», Максово последнее приобретение, ожил и завыл голосом новомодного эстрадного певца о безответной любви. Макс поморщился и убавил звук. Не то чтобы он боялся разбудить девчонку, просто не хотелось конфликтовать с соседями. Половина второго ночи как-никак.

Футбольный канал отыскался почти сразу. Макс довольно крякнул, откинулся на спинку дивана. Острые коленки девчонки уперлись ему в спину, но, как ни странно, особо дискомфорта ему это не доставило. Было даже немного приятно. Сбылась мечта идиота — футбол, пиво и неболтливая баба под боком.

К половине третьего пиво закончилось, футбол надоел и вообще захотелось спать. Макс зевнул, выключил телевизор, с сомнением посмотрел на девчонку.